

№ 257

Въ сегодн. № 8 стр.

Воскресенье, 20-го ноября 1911 года

НИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

в. Том
2а грам
6 нис. 6
Два учт

Содерж
в. н
в. н
в. н

в. обо
Рукопи
удобны

внутрь, на свою душу, на всю прошлую жизнь, которая так жестоко обманула.

— Хуже не будет. — говорит он и улыбается одной только верхней губой. Въ отъѣзд ему молчишь и ни о чемъ не спрашиваешь, но черезъ минуту онъ повторитъ: — Хуже не будетъ!

— Будетъ хуже! — говоритъ съ другой скамьи какой-то рыжий мужиченко — не переселенецъ съ острымъ взглядомъ. — Будетъ хуже!

Встрѣтивъ переселенцевъ уже въ Сибири, подъ Тюменью, серьезныхъ и сосредоточенныхъ, молчаливыхъ алутичскихъ около своихъ кибитокъ, и, глядя на одного изъ нихъ, бобыля со скрипкой, Чеховъ воображаетъ себѣ его будущее: «Когда придетъ на мѣсто, станетъ онъ забнуть отъ сибирскаго холода, зачакнеть и умереть тихо, молча, такъ, что никто не замѣтитъ, а его скрипки, заставлявшія когда-то родную деревню и переселиться и грустить, войдутъ за двугривенный чужаку — писарю или ссыльному; ребята чужака оборвутъ струны, сломаютъ кобылки, нальютъ внутрь воды... Вернись, дядя!»

Дальше хорошо описано странное нѣе юныхъ ямщиковъ съ почтовыми, села и избы сибирскаго тракта, разговоръ со сторожками, затопленные весенней водою дуга, переправа черезъ Иртышъ.

«Иртышъ широкъ. Если Ермакъ переплывалъ его во время разлива, то онъ утонулъ-бы и безъ колычуги. Тотъ берегъ высокъ, крутъ и совершенно пустыненъ. Этотъ же берегъ отлогъ, на аршинъ выше уровня; онъ голъ, изрытъ бѣлыми гребнями со злобой хлещутъ по нему и тотчасъ же отскакиваютъ назадъ, точно имъ гадко прикасаться къ этому неуклюжему, осклазному берегу, на которомъ судя по виду, могутъ жить только одніе жабы и души большахъ грѣшниковъ. Иртышъ не шумитъ и не реветъ, а похоже на то, какъ будто онъ стучитъ у себя на дѣхъ по гробамъ».

Затѣмъ описывается прѣздъ въ Колыванъ и въ Красный Яръ на Оби. Въ Красномъ Ярѣ Чеховъ остановился у мужика Андрея и встрѣтилъ тамъ нѣкоего зажиточнаго Петра Петровича, очень высокаго и очень толстаго дѣтина, живущаго въ соседнемъ селѣ и имѣющаго тамъ 50 лошадей. Любопытнѣе характерный разговоръ писателя съ этимъ Петромъ Петровичемъ, который, къ сожалѣнію, мы не можемъ привести въ тѣсныхъ рамкахъ газетной записки.

Отъ устья Томи до Томска Чеховъ ѣхалъ на лодкѣ, съ почтой.

Отъ Томска къ Красноярску, который ему очень понравился, и дальше — снова на лошадахъ, по тракту — самой большой и, кажется, самой безобразной дорогой во всемъ сѣвѣ».

Слѣдуетъ описание дороги, почтовыхъ станицъ, ямщиковъ, пассажировъ почтальономъ.

«Сибирскіе почтальоны — мученики. Крестъ у нихъ тяжелый. Это герои, которыхъ упорно не хотятъ признать отечество. Они много работаютъ, воюютъ съ природой, какъ никто, полчасъ страдаютъ невыносимо, но ихъ измучиваютъ, отчисляютъ и штрафуютъ гораздо чаще, чѣмъ награждаютъ».

Позволю себѣ закончить эту записку великодушнымъ описаніемъ Чеховымъ Енисея. Природа Тобольской и Томской губерній на произвела на Антона П—ча сильнаго впечатлѣнія. Оригинальная, величавая и прекрасная природа, по его мнѣнію, начинается только съ Енисея, она то и будетъ «со временемъ служить неисчерпаемымъ золотымъ приискомъ для сибирскихъ поэтовъ».

«Въ своей жизни я не видѣлъ рѣки красивѣе Енисея, — пишетъ Чеховъ. — Пуской Волга нардавая, скромная, русская красавица, зато Енисей и гучій, неустойчивъ, богатырь, который не знаетъ, куда дѣвать свои силы и молодость. На Волгѣ человекъ началъ удалю, а кончилъ стономъ, который зовется пѣснью; на Енисей же жизнь началась стономъ, а кончится удалю, какавѣ намъ и во сѣбѣ не снится. Въ берегахъ Енисея тѣсно. Немыслимы валы обгоняютъ другъ друга, тѣснится и оплываютъ спиральныя круги, и кажется страннымъ, что этотъ силачъ не смѣетъ еще береговъ и не пробуривать дна... Я стоялъ и думалъ: какавѣ поэзия, утренняя и смѣлая жизнь осѣнить со временемъ эти берега!.. Много у меня было разныхъ мыслей, и всѣ онѣ путались и тѣснились, какъ вода въ Енисей, и жнѣ было хорошо».

Г. Вяткинъ.

Москва, 8 ноября.

Чеховъ въ Сибири.

(По новымъ даннымъ).

Въ длинныхъ и оживленныхъ разговорахъ о литературномъ наследствѣ Л. Н. Толстого и читающая и пишущая публика совсѣмъ забыла о другомъ большомъ наследствѣ, оставленномъ намъ А. П. Чеховымъ.

Посмертные чеховскія произведенія печатаются въ приложеніяхъ къ «Нивѣ» за текущій годъ. О нихъ не говорятъ потому, что о «Нивѣ» вообще не говорятъ, а кромѣ того, вѣроятно, еще и потому, что въ первыхъ книжкахъ новаго Чехова помещено много вещей слабыхъ и неинтересныхъ.

Будучи пламеннымъ поклонникомъ творчества Антона П—ча, я, признаюсь, тоже былъ разочарованъ, когда читалъ эти первые книжки. Но чѣмъ дальше подвигался я въ чтеніи, тѣмъ скорѣе чувство разочарованности уступало мѣсто чувству удовольствіи, и, наконецъ, восторга. Уже въ 5-й книжкѣ есть очень недурной рассказъ «Огни», въ 7-й и 8-й книжкахъ есть такіе юмористическіе верья, какъ «Дипломаты», «Гости» и др.

Незрѣлые ученическіе очерки, пустенскіе анекдоты и неблизки смѣняются постепенно болѣе зрѣлыми, вдумчивыми произведеніями, и въ 9-мъ томикѣ мы находимъ уже истинно-чеховскій, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, прекрасный рассказъ «У знакомыхъ», гдѣ такъ прелестно очерченъ и герой, разсказа адвокатъ Подгоринъ, и помѣщикъ Сергій Сергѣичъ, воображающій себѣ идеалистомъ и страдальцемъ, и его спяченица Надежда, блѣдная, тонкая, очень красивая при лунномъ сѣвѣ».

Въ томъ же 9-мъ томикѣ напечатано начало (а въ 10-мъ окончаніе) прекрасныхъ, единственныхъ въ своемъ родѣ, очерковъ, представляющихъ особенную цѣнность для насъ, сибиряковъ.

Очерки озаглавлены: «По Сибири» и являютъ описаніемъ путешествія Чехова по нашей окраинѣ, когда изъ Европейской Россіи онъ ѣхалъ сухимъ путемъ на островъ Сахалинъ.

Очерки не представляютъ собою стройнаго, систематическаго описанія Сибири, авторъ не рассматриваетъ въ нихъ опредѣленнаго района, дѣлаетъ большіе скачки и публицистическія отступленія, но отъ этого они не теряютъ своей прелести.

До сихъ поръ мы знали кое-что отъ Чехова о Сибири по частнымъ его письмамъ, опубликованнымъ года два назадъ въ сборникъ «Новое Слово», но то были полудѣловныя-полушутливыя посланія къ родственникамъ и знакомымъ, теперь же мы получили серьезное, вдумчивое, высокохудожественное описаніе природы и быта нашей окраины конца восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ. Это описаніе должно и достойно войти въ сибирскія хрестоматіи, если таковыя когда нибудь появятся, — настолько колоритны и ярки чеховскіе штрихи въ данномъ произведеніи.

Антонъ П—чъ не указываетъ точный маршрутъ, которымъ онъ руководствовался, но упоминаемые имъ пункты, черезъ которые онъ ѣхалъ, въ послѣдующемъ порядкѣ таковы: Тюмень, Ишимъ, с. Абатское, с. Пустынное (на Иртышѣ), Колыванъ (на Оби), с. Красный Яръ (на той же рѣкѣ), с. Дубровино, Томскъ, почт. станція Черноярченская и Козульскан (между Ачинскомъ и Красноярскомъ), Красноярскъ, р. Енисей и Енисейскан тайга.

«...Уже май, въ Россіи зелѣютъ дѣся и заливаются соловьи, на югѣ давно уже цвѣтутъ акація и сирень, а здѣсь, по порогу отъ Тюмени до Томска, земля бурая, дѣся голые, на озерахъ матовый ледъ, на берегахъ и въ оврагахъ лежитъ еще снѣгъ»... — Такъ начинается Чеховъ свои очерки. — «Зато никогда въ жизни не видѣлъ я такого множества дичи. Я вижу, какъ дикія утки ходятъ по полю, какъ плаваютъ онѣ въ лужахъ и призрачныхъ канавахъ, какъ вспархиваютъ почти у самаго возка и лѣтнво летятъ въ безднныя. Среди тишины вдругъ раздается знакомый мелодическій звукъ, глядишь, вверхъ и видишь невысоко надъ головою пару журавлей, и почему-то становится грустно. Вотъ пролетѣли дикіе гуси, пронеслась вереница бѣлыхъ, какъ снѣгъ, красныхъ лебедей... Стоишь всюду кулики, плачутъ чайки».

Еще передъ Ураломъ Чеховъ встрѣтитъ переселенцевъ, направляющихся въ Сибирь. «Помнится мнѣ мужикъ дѣтъ сорока, съ русой бородой; онъ сидитъ на скамѣ на пароходѣ; у ногъ его мѣшки съ домашнимъ скрабомъ, на мѣшкахъ лежатъ дѣти въ лавоткахъ и жмутся отъ холоднаго рѣзкаго вѣтра, дующаго съ пустыннаго берега Камы. Лицо его выражаетъ: я уже смирился. Въ глазахъ иронія, но эта иронія устремлена во